

Интерпретация
истории македонской литературы
1945–1980-х гг. в воспоминаниях
ученого и литературного критика
М. Гюрчинова «Постижение
действительности»
(к 90-летию со дня рождения)

Книга воспоминаний выдающегося македонского литературоведа Милана Гюрчинова (р.1928) «Постижение действительности» («Освојување на реалноста», 2000) посвящена почти полувековому периоду истории национальной литературы и критики, деятельным участником которого был ее автор. Он вступил на литературное поприще в начале 1950-х гг. и до настоящего времени продолжает свою активную деятельность. На его глазах проходило формирование современного македонского искусства слова. Гюрчинов известен и как автор фундаментальных исследований (всего более двадцати) по современной македонской литературе, русской литературе, их сопоставительному изучению и теоретическим проблемам компаративистики. В нашей стране и за рубежом высокую оценку получили его работы о творчестве Ф. Достоевского и Б. Пастернака.

Книга документальной прозы Гюрчинова занимает в литературе Македонии важное место. Во-первых, потому что жанр биографии представлен в ней весьма скромно, хотя именно биографическая проза имеет в национальном искусстве слова глубокую традицию. Отчасти такая ситуация объясняется поздним формированием современной жанровой системы македонской литературы. Этот процесс развернулся только после 1945 г., когда македонцы были

признаны как нация, обрели государственность в составе федеративной Югославии, оформилась грамматическая норма современного македонского литературного языка. Залогом эффективного обогащения литературы стало ее широкое взаимодействие с другими литературами многонациональной страны и зарубежными литературами при одновременной прочной опоре на собственный художественный опыт, закрепленный в фольклоре и книжной традиции, восходящей к IX в. (Охридская книжная школа) и сохранявшейся на протяжении почти шестивекового османского ига.

Предтечей современной биографии может считаться житийная литература, прежде всего, повествования о славянских просветителях, тесно связанных с территорией Македонии (Климент Охридский, Наум Охридский и др.), и местных мучениках, причисленных к лику святых (Св. Георгий Кратовский и др.). Образцы светских документальных текстов биографического и автобиографического типа появились в национальной литературе в конце XIX в. Речь идет об «Автобиографии» (1885) Григора Прличева (1830–1893), содержащей основные сведения о жизненном пути поэта, его семье, образовании и творчестве. Следует упомянуть и «Автобиографию» самого крупного собирателя македонского фольклора Марко Цепенкова (1829–1920), написанную в семидесятые годы XIX в., но опубликованную в Македонии только во второй половине XX в.

Когда после 1945 г. сложились благоприятные условия для развития национальной прозы, она долгое время была сосредоточена на формировании основных эпических жанров — рассказа, повести и романа. Что касается документалистики, то этот жанр не пользовался популярностью. Тем не менее, отдельные издания стали заметным явлением в национальной культуре. Прежде всего, это воспоминания современников, писателей, деятелей искусства, участников революционного и партизанского движения о первом национальном поэте Кочо Рацине (1908–1943), составившие книгу «Рацин в воспоминаниях современников» (1983)¹. Сильный импульс развитию документальной прозы дало

также появление книги бесед с классиком македонской литературы Б. Конеским «Разговоры с Конеским» (1991) писателя Ц. Андреевского, она стала богатейшим источником сведений как о литературном процессе страны, так и о самом поэте.

Книга Гюрчинова отличается от изданий предшественников, во-первых, тем, что это автобиография не писателя, хотя автор обладает бесспорным даром повествователя (особенно в главах, посвященных детству и юности), а, прежде всего, литературного критика. Он пишет «о времени и о себе» с позиций литературного критика и ученого, уделяя особое внимание процессу становления македонской литературы на македонском языке, в чем сам он принимал непосредственное участие. Как сказано в послесловии, решение написать книгу воспоминаний созрело у автора к 1995 г., когда совпали несколько моментов: возраст, настраивающий на подведение итогов, и исторический момент, так как «в 1990 г. произошли крупные перемены, и редко кто из представителей его поколения не почувствовал потребность подвести черту под прошлой жизнью»². Толчком к написанию книги послужила случайная находка — автобиография философа Карла Попера, обнаруженная в белградском книжном магазине. Автобиография этого интеллектуала и многие другие автобиографические книги способствовали окончательной кристаллизации идеи создать «интеллектуальную автобиографию» (так определил в подзаголовке свою документальную книгу Гюрчинов), отражающую его духовные и профессиональные поиски. «Одним словом, — пишет автор, — эта книга не является попыткой синтеза собственного опыта, она представляет собой простую летопись, ряд фрагментов и воспоминаний о дорогах жизни, которые должен был прошагать македонский интеллектуал на протяжении бурных лет, длинной в полстолетия» (477).

Гюрчинов оценивает с высоты прожитых лет бурлящую литературную жизнь 1950–1980-х гг., проверяет с точки зрения современной литературной науки свои высказанные много лет назад оценки произведений как македон-

ских, так и зарубежных писателей, в том числе русских. Он является одним из самых авторитетных специалистов по русской литературе в масштабах как своей страны, так и всей бывшей Югославии. С полным правом ученого можно назвать фактическим основателем македонской литературоведческой русистики, которая за последние двадцать лет превратилась в эффективно развивающееся направление национальной филологии.

В книге воспоминаний Гюрчинов рассказывает о своей жизни, об испытаниях, выпавших на долю его поколения, о важных исторических событиях, определивших судьбу его народа и его собственную. Он рассказывает о детстве и отрочестве, ранней потере родителей (им посвящена эта книга), годах фашистской оккупации, дружбе с молодым поэтом Ацо Карамановым, с которым учился в гимназии (погиб в партизанском отряде в 1944 г.), голодной послевоенной юности и учебе сначала в университете в Скопье, а затем на отделении славистики филологического факультета Белградского университета. С благодарностью он вспоминает своих учителей (К.Ф. Тарановского, Радована Лалича и др.), которые привили интерес к науке и сыграли важную роль, направляя работу над диссертацией по русской литературе на звание доктора филологии (темой диссертации было раннее творчество А.П. Чехова). Гюрчинов рассказывает также о специализации на филологическом факультете МГУ имени Ломоносова под руководством Г.Н. Пospelова (1957) и в области компаративистики в Сорбонне (1960–61). Больше всего места в книге отведено осмыслению собственного непростого творческого и профессионального пути как литературного критика и ученого, воспоминаниям об острых спорах и полемиках, которые велись на страницах главных литературных журналов всех республик Югославии, в том числе в Македонии, об обстановке в университетской и академической среде, о коллегах, единомышленниках и оппонентах, о выработке собственного подхода к оценке и анализу художественного произведения, о личных отношениях с классиками совре-

менной македонской литературы и молодыми авторами, о появлении этапных для национального искусства слова произведениях. Книга освещает ряд событий личной жизни автора, которые в то же время были важными явлениями македонской культуры второй половины XX в., описанные и осмысленные на фоне исторических перипетий, выпавших на долю всего македонского народа. Название труда отражает профессиональное становление автора, его способность понимания глубинных процессов в жизни и искусстве. Накопленный жизненный опыт, расширение кругозора, подлинная интеллигентность и тонкое художественное чутье стали для Гюрчинова «инструментом» при «постижении действительности» и анализе специфики ее художественной реализации как в произведениях национальных авторов, так и на материале классики мировой литературы.

Литература, ее роль и влияние на формирование человеческой личности — еще один важный ракурс книги. Присутствие этого мотива заметно на протяжении всего текста. Автор вспоминает о своих первых впечатлениях о книге вообще, знакомстве с произведениями русской литературы, романами М. Горького и Ф. Достоевского. Эти факты сами по себе являются важным свидетельством культурной жизни македонского общества предвоенных лет, в частности, о широком присутствии русской литературы в Македонии. Молодежь тех лет живо интересовалась политикой, в ее среде большое влияние и авторитет имели сторонники коммунистического движения, идеи социальной справедливости и социального протеста. Поэтому в круг чтения гимназистов входили произведения с соответствующим типом героя и конфликта в центре. Естественно, они были запрещены цензурой. Так, роман М. Горького «Мать», опубликованный белградским издательством «Нолит», юный Гюрчинов получил от друзей под большим секретом. Эту «зачитанную почти до дыр книгу с сильно потрепанной обложкой» (43) он прочитал с «большим воодушевлением» и пришел к выводу, что «правда была на стороне Власова и Пелагеи. Никто бы не мог убедить меня в противном. Впрочем, этот “никто” и

не существовал в моем окружении» (44). Вторым большим открытием стал роман «Преступление и наказание», но поразила юного читателя не философия Раскольникова, а противная старуха-процентщица, напоминавшая некоторых личностей, с которыми сталкивался автор. Интерес к Достоевскому распространился затем и на других писателей русской литературы, которых открывал для себя М. Гюрчинов. Важным этапом его профессионального роста (как и других македонских интеллектуалов) было также знакомство в 1950–1960-е гг. с произведениями западноевропейских литераторов Кафки, Джойса, В. Вулф, А. Жида, Э. Витторини и др. Кроме того, в круг чтения входили югославские писатели — В. Попа, М. Павлович, О. Давичо, М. Лалич. «С моей молодой супругой мы читали и переводили стихотворения Превера, Кокто, Мишо, восхищались Мальро, Сартром, Блоком и другими русскими авторами 20-х годов, о которых раньше, во время учебы я знал совсем немного» (164).

Молодой и амбициозный, знающий несколько иностранных языков Гюрчинов с самого начала своей литературно-критической деятельности старался оценивать произведения молодой национальной литературы с точки зрения высоких критериев художественности, выдвигая именно этот фактор на первый план в отзывах о произведениях на тему войны и революции, преобладавшую в македонской литературе первого послевоенного десятилетия. Это сегодня звучит парадоксально, но критик столкнулся с большими трудностями. Оказалось, что критиковать известных национальных поэтов, когда они создавали малохудожественные «агитки», — сложное и даже небезопасное дело. Именно перекос в сторону идейности в ущерб художественным качествам был, по мнению автора, характерен для ряда произведений послевоенного пятилетия тогдашнего «поэта номер один» Венко Марковско³. Он был самой влиятельной фигурой в литературе того времени. В книге приводятся интересные факты восприятия македонской гимназической молодежью (Гюрчинов закончил гимназию в 1946 г.) этой

идейно заостренной, «лозунговой» революционной лирики. Ее анализировали и горячо о ней спорили в литературных кружках в первые послевоенные годы. Так, гимназисты отказывались признавать поэму В. Марковского о героепартизане «Гоце» произведением высокохудожественным (время показало, что они были правы), за что несколько человек даже были отчислены из гимназии как идеологически опасные элементы. Похожая ситуация имела место и в университете, когда М. Гюрчинов был подвергнут острой критике за доклад о творчестве сербского поэта-символиста Й. Дучича. Критиковали не за качество доклада, а за то, что для анализа был выбран идеологически чуждый «буржуазный» автор. Ситуация накалилась настолько, что автор книги принял решение продолжить образование в другом вузе. Осенью 1949 г. он перевелся в Белградский университет, где ко всем трудностям студенческой голодной и холодной жизни у студентов группы русского языка прибавились дополнительные проблемы, ставшие следствием межпартийного и межгосударственного конфликта между СССР и ФНРЮ (1948–1953). Тем не менее, в Белграде в начале 1950-х гг. уже чувствовался дух освобождения от догматического подхода к литературе и искусству. На смену социалистическому реализму как единственной эстетической основе художественного творчества при социализме пришел «социалистический эстетизм», объявивший о свободе искусства. Появились новые печатные органы, поддерживающие эту позицию⁴. Раскрепощение творческих сил протекало в острых спорах о путях развития литературы. Вектор резко сместился с ориентации на советскую литературу и критику в сторону опыта нереалистических течений, в частности сюрреализма, или в терминологии югославской критики надреализма. Об этих спорах хорошо знал молодой Гюрчинов, знакомый с сербскими лидерами «модернизма» 1950-х гг. О. Давичо, Д. Чосичем, М. Ристичем и др⁵.

После окончания университета Гюрчинов вернулся в Македонию и уже здесь стал активным участником литературных дискуссий между «реалистами» и «модернис-

тами», выступая на стороне последних. Он был горячим сторонником обогащения национального искусства слова за счет усвоения художественного опыта зарубежных литератур. «Мой дебют литературного критика тесно связан с журналом «Млада литература» (155), — вспоминает автор, подчеркивая, что его первый критический опус «Стихи и тревожные чувства» («Стихова и неспокојства», 1953) был посвящен сборнику стихотворений «Тревожные звуки» Гане Тодоровского, поэта, который внес большой вклад в обогащение поэтического языка македонской лирики. В этом эссе автор показал себя единомышленником молодых писателей, выступавших за равноправие идейного и художественного аспектов в художественном творчестве и за широкое использование мирового художественного опыта. Как свидетельствует сам Гюрчинов, «в течение следующего года [1954. — А. Ш.] он публиковал критические отзывы в трех литературных журналах «Млада литература», «Современост» и «Разгледи» (156). Причем, к сотрудничеству в журнале «Современост» его «привлек преподаватель и известный литературный арбитр Димитар Митрев, который был его главным редактором. Журнал придерживался “реалистической ориентации”, но отношение ко мне было крайне корректным: никто мне не ставил никаких условий, все, что я писал, публиковалось» (156). Гюрчинов писал критические отзывы о важнейших литературных событиях: изданиях новых произведений Г. Ивановского, К. Чашуле, С. Яневского, Й. Бошковского и др., свидетельствовавших о том, что молодая литература интенсивно развивалась. Самое пристальное его внимание было посвящено лирике и прозе выдающегося македонского писателя Б. Конеского, вступившего в пору творческого рассвета. Высокие оценки критика, как показало время, относились к вершинным достижениям национальной литературы второй половины 1950-х гг.

Одновременно крепили связи Гюрчинова с оппозиционным журналу «Современост» изданием «Разгледи». Он сам это объясняет тем, что позиции объединенных вокруг

этого печатного органа молодых литераторов Д. Солева, Б. Пендовского и др., в большей степени соответствовали его тогдашним представлениям о путях развития национальной литературы. Все они принадлежали к одному поколению, которое «было сторонником открытости македонской литературы, ее взаимодействия с другими югославскими центрами, за тесные контакты с мировой литературой, что соответствовало моему формирующемуся эстетическому *credo*» (157). Приведенный факт интересен не только с точки зрения выработки автором книги собственной позиции в сложный период напряженных литературных дискуссий, но и показателен для изучения истории македонской литературной критики. Он помогает понять, что в реальной жизни ситуация была многограннее и сложнее, и разница во взглядах не препятствовала сотрудничеству одних и тех же авторов в журналах, занимавших полярные позиции. Тем более, что об этом свидетельствует один из тех, кто, по его собственному признанию, «играл в журнале „Разгледи“ в 1950-е гг. заметную роль» (там же). В другом месте Гюрчинов замечает, что достаточно быстро произошло сближение позиций между «модернистами» и «реалистами», и дискуссии велись главным образом «об иерархии значимости в литературной жизни» (168). То есть, речь зачастую шла о личных амбициях и честолюбии конкретных писателей, а не об общих принципах.

Автор связывает особую роль этого журнала с «новым литературным климатом» сложившимся в начале 1950-х гг. во всех югославских литературах, в том числе македонской, которая тогда была их составной частью. «Речь идет о стремлении югославского коммунистического режима создать после разрыва с Информбюро в 1948 г. более либеральную атмосферу в культуре и искусстве, разрешить борьбу различных точек зрения и заменить доминирующую доктрину соцреализма новой доктриной социалистического плюрализма [...]. Было признано со стороны официальной власти право на различные точки зрения» (157–158). Новая атмосфера, при всей жесткости взаимных обвинений, была,

как справедливо замечает Гюрчинов, весьма благоприятной для эффективного развития македонской литературы. То время было «одним из самых светлых периодов, когда о литературе говорилось очень открыто, смело, без обиняков, со всей интеллектуальной силой и полемической страстностью, период, когда менее всего было того лицемерного умалчивания и критического оппортунизма, который спустя некоторое время связал крылья более динамическому развитию нашей современной литературы» (160). Важную роль в создании благоприятной для развития искусства атмосферы Гюрчинов отводит тогдашнему руководству Республики Македония в лице Лазаря Мойсова и Крсте Црвенковского, которые предоставили литераторам полную свободу в выборе художественных средств.

Периоду 1950-х гг. отведено в воспоминаниях центральное место. Речь идет о собственной литературно-критической деятельности автора, сотрудничестве в журналах, прежде всего, в журнале «Разгледи», приводится множество интересных фактов о творческой литературной атмосфере, даются мини-портреты целого ряда писателей и поэтов. Складывается история национальной литературной критики «с человеческим лицом», она наполняется деталями и существенными подробностями, порой частными, но показательными случаями, описанием межличностных отношений. В главе «„Разгледи” в 1950-е годы» автор останавливается на дискуссии 1953 г. по поводу меланхоличной лирики (в терминологии македонского литературоведения «интимной лирики», сербского — «лирики мягкого и нежного звучания») — нового явления в национальной поэзии. Эти споры названы «одной из самых интересных полемик в современной македонской литературе» (161). Споры шли о поэзии, абсолютно лишенной революционного содержания, сосредоточенной на личных переживаниях и созерцании природы, меланхоличной по своему настроению и противостоящей предшествующей лирике, громко прославлявшей победу над врагом и социалистическую революцию. Появление этого типа поэзии обогатило национальную

литературу новыми мотивами и жанрами. Она, как стало ясно со временем, сыграла важнейшую роль в развитии медитативно-философской, пейзажной и любовной лирики на македонском языке. Не будучи идеологически оппозиционной, эта поэзия парадоксальным образом стала одним из первых проявлений зародившегося «эстетического плюрализма», подчеркивает автор.

Гюрчинов вспоминает годы высокой творческой активности литераторов Г. Тодоровского, С. Ивановского, М. Матевского, Б. Варошлии, литературных критиков А. Спасова, А. Алексиева. Напряженная творческая атмосфера усиливалась «невероятной сплоченностью и дружбой. Мы держались друг друга, радовались каждой вышедшей новой книге, мы были убеждены, что шагаем в ногу и что перед нами открываются светлые горизонты. Я помню, с каким удовольствием брал в руки новые стихи Гане Тодоровского и Србо Ивановского, как радовался рассказам Солева и Пендовского, с каким трепетом читал блестящие тексты Бранко Варошлии, который был младше нас [...]. Все мы ходили на те же спектакли, вечером сидели в тех же ресторанах, читали те же книги, и в 1955–1956-е гг. жили практически как одна дружная семья [...]. В эту атмосферу взаимного уважения и поддержки вскоре были вовлечены молодые художники, музыканты, артисты театра, работники культуры, о чем можно было бы написать целую книгу, посвященную молодым творческим людям, объединенным общими взглядами и дружескими отношениями, у которых не было и следа зависти, злобы и каких-либо низменных интересов» (162). Эти теплые отношения автору впоследствии удалось сохранить далеко не со всеми.

Наиболее значительным критическим текстом тех лет Гюрчинов считает свою статью 1954 г. «Замечания на тему: новое» («Маргиналии на тема: ново»), в которой были сформулированы принципы его литературно-критического подхода. Эта острая полемическая статья протестовала против подражательства, искусственного перенесения на национальную почву чужих образцов («Новое и наше. А не новое

и чужое. Первое современно, второе — слепое следование моде и псевдоискусство», 166), призывала к творческому восприятию художественного опыта других литератур. Автор решительно выступал за «оригинальность» национального искусства слова, которое должно воплотить «самое ценное и самое существенное в нашей жизни, не оглядываясь на господствующие эстетические вкусы масс, только так такой подход может стать животворящим и новым для нашей литературной жизни» (167). Следуя этим принципам, Гюрчинов вступил в полемику, защищая делавших первые шаги поэтов М. Матевского, В. Урошевича, П. Бошковского, которые вводили в македонскую литературу условно-метафорическую лирику. Данные авторы, проявлявшие интерес к опыту сюрреализма, существенно обогатили национальную поэзию, способствовали совершенствованию ее художественного языка, разбудили фантазию, обратились к глубинным психологическим переживаниям личности. Уже в самом начале они создали ряд поэтических шедевров («Дожди» М. Матевского) и проложили дорогу следующему поколению, соединившему опыт неоавангарда с национальной традицией (П.М. Андреевский, Р. Павловский, Б. Гюзел и др.).

В середине 1950-х гг. М. Гюрчинов стал одним из самых активных популяризаторов македонской литературы в масштабах бывшей Югославии. Он выступал с обобщающими статьями, освещавшими достижения молодой литературы за десять лет ее свободного развития, в центральных белградских изданиях, в изданиях других республик, был составителем антологии македонской поэзии и прозы, изданной в Белграде, выступал на страницах журнала «Дело» (орган сербских «модернистов»), центральной газете «Политика».

На протяжении всей книги автор обращается к переосмыслению собственного творческого пути, фиксирует изменения своего подхода к анализу художественного произведения, целей и задач литературы. Изменение взглядов критика происходило как вследствие перемен в национальной литературе («„реалисты” модернизировались, „мо-

дернисты” спустились на землю», 284), так и его собственных представлений об искусстве. В 1960-е гг. Гюрчинов главное внимание уделял проблеме отношения между литературой и действительностью. «Последователь Сартра» (285), как он себя называет, македонский исследователь стремился осмыслить проблему ангажированности художественного слова, активную роль литературы в жизни общества. Эта проблема «доминирует во всех моих статьях общего характера, написанных в этот период. Как определить, какова степень взаимного проникновения между окружающей средой, временем, эпохой, миром, и тем, что делает нас протагонистами и творцами конкретного отрезка исторического времени, с тем, что является вечным, универсальным, сублимированным как непреходящая художественная ценность?» (285). Этот вопрос с середины 1960-х гг. стал одним из самых важных в критических и литературоведческих работах Гюрчинова.

Причины, заставившие обратиться к этим фундаментальным проблемам искусства и их освещению в трудах по теории литературы (Р. Гароди, Адорно, Ю. Лотман и др.) литературовед связывает с самыми разными событиями, которые заставили его иначе воспринимать жизнь: изменением общей обстановки в Европе, ростом там протестных настроений, событиями 1968 г., катастрофическим землетрясением в Скопье (1963). «Во мне зрела потребность расширить пространство “эстетической критики”, горячим сторонником которой я до этого был и которая стала мне казаться все менее способной дать ответ на новые вопросы и задачи, поставленные временем» (286). Это совпало с усилившейся потребностью критика выйти за рамки национальной литературы и активнее заявлять о себе на общегославском литературном, культурном и общественном поприще. Гюрчинов все чаще ставит вопрос о том, кто же подлинный герой современности и как современная эпоха изображается в литературе. Эти вопросы приобрели актуальность и в художественном творчестве, которое все пристальнее обращается к постижению национального характера и нацио-

нальным основам бытия. «Общечеловеческое» стало восприниматься и постигаться через «национальное». Решающую роль в этом процессе сыграло творчество одного из самых ярких писателей Македонии Живко Чинго (1935–1987), во многом предвосхитившего такое явление как «проза нового стиля», привлекавшая внимание литературы к национальным основам бытия и национальным жизненным типам. Гюрчинов считал Чинго одним из самых оригинальных и лучших мастеров македонской прозы.

В 1970-80-е гг., отмечает Гюрчинов, в македонском искусстве слова возникает и все более остро ставится «вопрос существования македонца на собственной земле»⁶, сопровождавшийся углубленным анализом его социальной, исторической и морально-психологической природы и критическим осмыслением проблем современного общества.

Автор также фиксирует в начале этого периода рост оппозиционных настроений в среде творческой интеллигенции по отношению к власти и югославской идее в целом, с важной пометкой, что «в македонской среде число людей с такими суждениями было весьма невелико, практически незаметно» (290). Задуматься об этом его заставила кризисная общественная ситуация, которая сложилась в Югославии в 1970 г., что проявилось в росте центробежных настроений, прежде всего, в Хорватии. В статье «Идеология и творчество» (1971) критик откликается на ситуацию в стране и ставит важный вопрос о взаимоотношении господствующей идеологии и художника, творца и власти. Опираясь на известные в истории искусства примеры, когда большие художники ставили свой талант на службу идее («Данте и Маяковский, Лорка и Рацин, Крлежа и Давичо», 292), он пытается разобраться в причинах этого явления, понять, что движет творцом, когда он становится сознательным сторонником конкретной идеологии, как это влияет на его творческую свободу, и ответить на вопрос, возможна ли вообще идеологически нейтральная литературная критика. Автор приходит к выводу, что «сосуществование авангардной общественной идеи и пылкого творческого воображения имеет место.

До тех пор, пока творец свою “приверженность” идее не чувствует как бремя и как ограничение своей личности» (292). Речь идет о самоопределении личности, на которую художник, как и любой член общества, имеет право.

Гюрчинов отмечает, что писатели, отвергавшие социализм как общественное устройство, использовали в своих памфлетах все те же приемы черно-белой техники, за которые в начале 1950-х гг. так сильно критиковался соцреализм. «Я глубоко убежден, как тогда, так и теперь, что в югославской культуре было много позитивного и что условия для творчества в Югославии существенно отличались от условий в восточноевропейских странах, подсознательно я чувствовал, что такое агрессивное и фронтальное выступление отдельных деятелей культуры абсолютно игнорирует реальную действительность, не видит этих различий и что нам постепенно навязывается нигилистическая позиция, которая может иметь разрушительные последствия» (291). Ученый был сторонником союзного государства прежде всего потому, что македонская культура в его рамках «за короткий срок достигла исключительных результатов» (291).

Особый интерес для читателя представляют воспоминания Гюрчинова о ситуации в культуре и литературе 1980-х гг. Убежденный сторонник Югославии как государства, которое при всех издержках своего развития, могло бы, как казалось автору, при умелом реформировании эффективно развиваться, он с сожалением пишет о растущих центробежных тенденциях, проявившихся с особой силой в области литературы. Все чаще в дискуссиях на страницах периодики и писательских собраниях идее югославского единства противопоставлялась националистическая идея, а критерий художественного качества подменялся ложным любованием любым проявлением национально особенного. Нельзя сказать, что интеллигенция не видела опасности и не пыталась остановить центробежные процессы. «В 80-е годы предпринимались многочисленные попытки реанимировать, реформировать и сохранить единство Югославии, хотя бы на поприще культуры» (416), — сви-

детельствует Гюрчинов. Среди таких попыток он выделил проведение IX съезда Союза писателей Югославии, который состоялся в апреле 1985 г. в Нови-Саде (Сербия), названный «съездом надежды». Он выступил там с докладом, где высказался против замыкания литературы в национальных рамках: «Я не верю, что национальная идентичность может пострадать, если она будет жить и развиваться в открытом культурном и духовном пространстве. Напротив, я думаю и даже глубоко убежден, что только открытость может способствовать проявлению национальной идентичности в полной мере» (419). Съезд закончился распадом Союза и окончательным разделением деятелей культуры и литературы. Автор подробно описывает атмосферу съезда и дискуссии, которые велись в кулуарах, обмен мнениями с Оскаром Давичо и Добрицей Чосичем, в свое время бывшими его единомышленниками.

На протяжении всей своей литературно-критической деятельности Гюрчинов старался поддерживать молодые таланты, молодых писателей, которые в значительной степени были и его учениками. В первую очередь, это относится к литераторам, заявившим о себе в полный голос в 1980-е гг. Большинство из них учились на филологическом факультете университета в Скопье и специализировались в области сравнительного литературоведения. За создание этой специальности и направления в национальной науке Гюрчинов боролся не одно десятилетие. Он основал кафедру литературоведческой компаративистики, и его лекции из этой области пользовались большой популярностью. Новое поколение македонских писателей — это городские жители, образованные люди, творческие поиски которых лежали в русле постмодернизма. Молодые авторы видели возможность своей творческой реализации в широком взаимодействии с мировой литературой («библиотекой»), которая в их собственном творчестве соединялась с интересом к культурной истории македонских земель. Для македонских авторов свойственный постмодернизму прием палимпсеста был частью их органичного восприятия наслоений истории-

ческого прошлого, они привыкли сталкиваться со следами исчезнувших цивилизаций, древними Гераклеей Линкестис и Стоби, имели возможность постоять на сохранившейся части знаменитой дороги античности Via Egnatia, полюбоваться природой с высокого берега Охридского озера, который ученик Кирилла и Мефодия Климент Охридский выбрал для строительства монастыря, где обучил славянской письменности более трех тысяч человек.

Гюрчинов подчеркивает, что молодые авторы влили свежую струю в македонскую литературу, он, не во всем разделяя их взгляды на литературу, старался оказывать им поддержку. Они «никогда не переросли в отдельное литературное течение, и даже не оформились в особую группу» (444), но выделялись стремлением «идти в ногу со временем, а это означало: культивирование мультимедиальности, поиски контакта с кино, комиксом, фотографией, рок-музыкой, телевидением, с целью добиться радикальной деканонизации новеллистки, жанра, в котором они чаще всего реализовывались (Драги Михайловский, Ядранка Владова, особенно Александр Прокопиев). Они стремились реализовать на македонской литературной почве идеи Борхеса, интертекстуальность и мультиинтеллектуальность их великого учителя, при выраженном желании отойти от преувеличенной литературности, провозглашенной модернизмом, и создать новые литературные миры при помощи “новой фрагментарности”, в которой собственная идентификация сравнима с кусочками стекла, разбросанными на тротуаре» (444). Главным литературным критиком этого поколения стала Елизабета Шелева, ученица Гюрчинова и его многолетний ассистент на кафедре компаративистики. Она представила это новое явление в македонской литературе в своих публикациях.

Для российской науки ценно, что Гюрчинов внес большой личный вклад в исследование, преподавание и популяризацию русской культуры у себя на родине и за ее пределами. Он многократно выступал с докладами по проблемам русской литературы на крупнейших международ-

ных научных форумах (во Франции, Англии, Осло и др.), в том числе на Международных съездах славистов, принимал участие в конференциях в нашей стране, был организатором ряда русско-македонских конференций у себя на родине. Под его редакцией в Македонии изданы собрания сочинений А. Пушкина, Ф. Достоевского, А. Чехова, Б. Пастернака. Один из авторитетных исследователей русской литературы, Гюрчинов неоднократно бывал в России и встречался со многими русскими писателями, лично был знаком с сыном Б. Пастернака, о лирике которого написал монографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рацин во секавањата на современиците. Скопје, 1983.
- ² Гурчинов М. Освојување на реалноста. Скопје, 2000. С. 475. Далее цитируется это издание, номера страниц указаны в тексте, перевод цитат автора статьи.
- ³ Марковский Венко (1915–1988) — македонский и болгарский писатель. Писал поэзию революционного содержания. Был репрессирован во время внутривластной борьбы в компартии Югославии («время Информбюро» 1948–1953), после освобождения выехал в Болгарию.
- ⁴ См.: Ѓосић Д. Писци мога века. Београд, 2002. С. 9.
- ⁵ С ними М. Гюрчинов поддерживал отношения на протяжении всей жизни. Вплоть до смерти М. Ристича он состоял с ним в переписке. О. Давичо постоянно приглашал Гюрчинова к сотрудничеству. С Д. Чосичем Гюрчинов встречался вплоть до 1984 г.
- ⁶ Гурчинов М. Современа македонска книжевност. Скопје, 1983. С. 357.